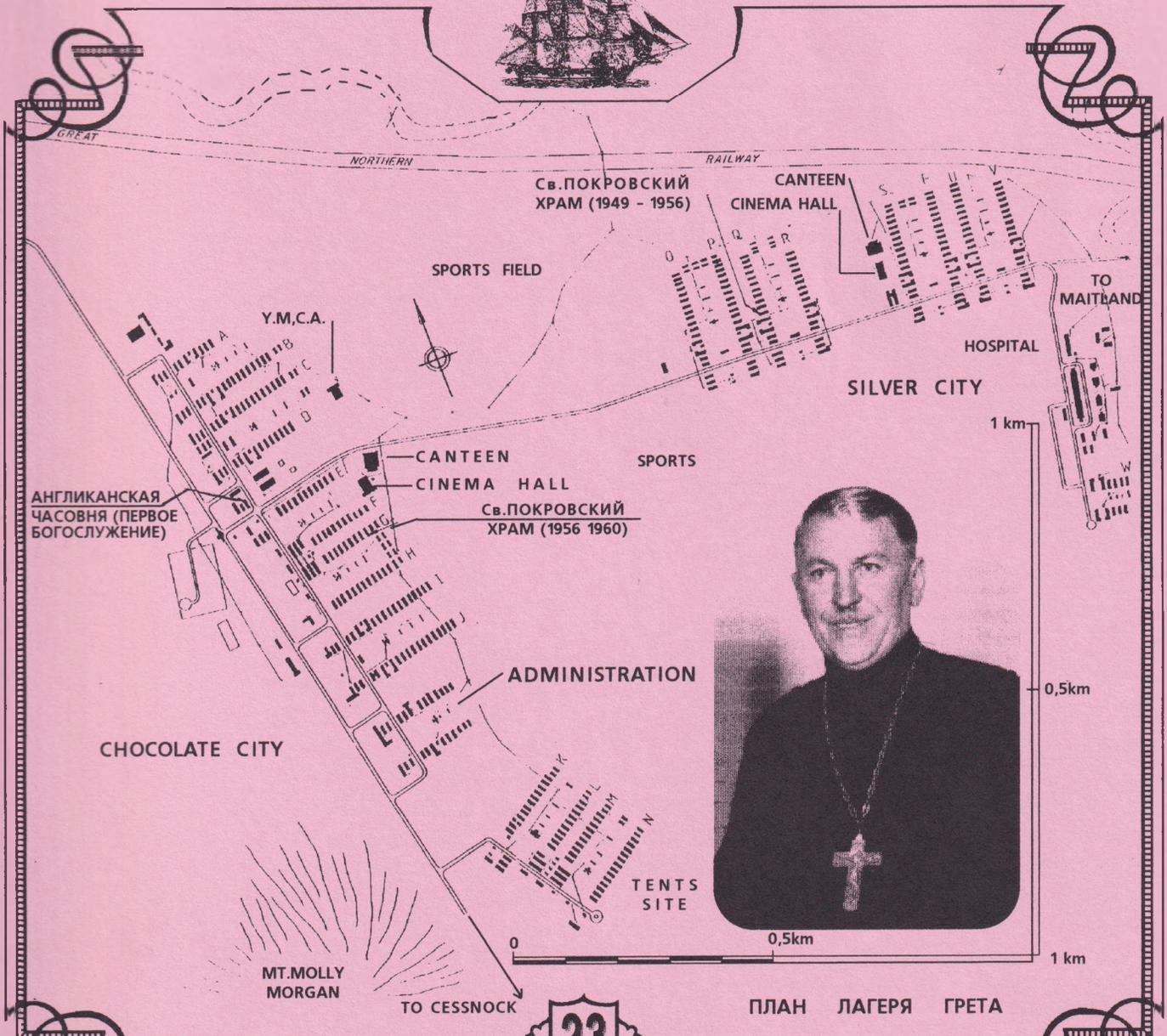

Австралия

РУССКАЯ ЛЕТОПИСЬ

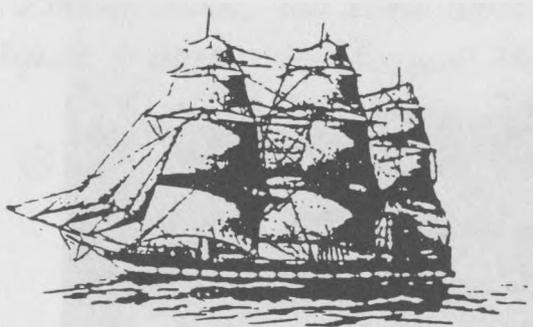

23

2000

СИДНЕЙ

АПРЕЛЬ

Из ранней истории

Елена Говор

Станислав Станкевич.

*первый политический "невозвращенец" в Австралии
(продолжение без конца)*

Как-то вечером у нас дома раздался звонок. Звонил профессор Глинн Барратт, который, будучи проездом на Тасмании, напал на след Станислава Станкевича, дезертира с русского корабля "Крейсер", о котором уже рассказывалось в "Австралиаде" (№ 14) в статье о Завалишине.

Но прежде, чем мы обратимся к австралийским злоключениям Станкевича, хотелось бы сказать несколько слов о самом профессоре Барратте. Канадец, он, кажется, всегда находится в движении – то он в Австралии, то в России, то в Новой Зеландии, то в Европе... Узнала я о Барратте много лет назад, когда еще только начинала работать над составлением библиографии русской печати об Австралии. Помню, как в Библиотеке иностранной литературы в Москве, я увидела удивительную книгу Глинна Барратта "Русские в Порт-Джексо. 1814-1822", изданную в Канберре Институтом по изучению аборигенов в 1981 году. Тут были и биографии участников плавания, и анализ созданных ими текстов, и сами тексты в его мастерских переводах, и описание этнографических коллекций, собранных русскими в Австралии, и прекрасные иллюстрации – одним словом образцовое исследование, подобного которому еще не было даже на русском языке. К тому времени Барратт, историк и преподаватель русского языка и литературы в Университете Карлтон в Оттаве (Канада), был уже автором более десятка книг, в том числе трех блестящих работ о декабристах, книг "Русский флот и Австралия до 1825 года. Дни до подозрений" (1979), "Беллинггаузен. Визит в Новую Зеландию. 1820 год" (1979), исследования о русском визите на Тасманию в 1823 году. Затем последовали новые книги: "Россия в Тихом океане, 1715-1825" (1981), "Русофобия в Новой Зеландии, 1838-1908" (1981) – по существу первое исследование русско-новозеландских отношений, "Русское открытие Гавайских островов" (1988), "Русский взгляд на Гонолулу, 1809-1826" (1988), и, наконец, стало выходить его многотомное исследование "Россия и Южный Тихий океан, 1696-1840": "Русские и Австралия" (т. 1, 1988), "Южная и восточная Полинезия" - остров Пасхи, Новая Зеландия, острова Табуаи - (т. 2, 1988), "Меланезия и западная часть Полинезии" (т. 3, 1990) и "Острова Туамоту и Таити" (т. 4, 1992). Замечательно изданные, богато иллюстрированные, с прекрасным справочным аппаратом – эти тома открывают англоязычному читателю практически неизвестный из-за языкового и, до недавнего времени, политического барьера мир русских путешествий в Южных морях в первые десятилетия 19 века. Глинн Барратт первым из западных ученых пробил брешь в круговой обороне советских архивов в области тихоокеанских экспедиций, ввел в научный оборот десятки, а то и сотни русских источников, не говоря уж об иностранных, перевел на английский язык множество русских текстов об Австралии и Океании. Многие его переводы еще не опубликованы и хранятся в Институте по изучению аборигенов в Канберре и других архивах. Одним словом без преувеличения можно сказать, что вклад Глинна Барратта в русское австраловедение и океанистику за последние четверть века сопоставим разве что с работой целого научного института!

Но вернемся к истории со Станкевичем, продолжение которой Глинну Барратту наконец-то удалось обнаружить. Надо напомнить читателям, что Станислав Станкевич, матрос 1 статьи, служил на "Крейсере" под началом Михаила Лазарева. Доведенные до отчаяния придирками и жестокостью старшего офицера Ивана Кадьяна, да и самого Лазарева, матросы, находившиеся на берегу на заготовке топлива, взбунтовались, отказались работать, причем часть из них, в том числе и Станкевич, скрылась в лесу, вероятно не без влияния местных беглых ссыльных. Поверив увещаниям Завалишина, все беглецы, за исключением Станкевича, вернулись на корабль. Много лет спустя Завалишин писал об истории со Станкевичем.: "Обо всем этом Лазарев в донесении своем ... не упомянул ни слова, а сказал только о побеге одного матроса ..., приписав побег его тому обстоятельству, что он был родом из Польши (собственно из Вильны – пояснял от себя Завалишин. – Е.Г.), да и то оговорил, что он может

быть еще просто заблудился в лесу. Грустно было видеть Лазарева, писавшего собственноручно заведомо неправильное донесение... Происхождение из Вильны бежавшего матроса едва ли имело какое-то влияние на его поступок. Это был один из лучших матросов, грамотный и занимавший должность рулевого, добровольно отказавшийся от унтер-офицерского звания, притом за казною у него было немало денег в заслуге. Но будучи развитее других, он конечно живее чувствовал незаслуживаемые наказания и не ожидал впереди никакого улучшения". Не дождавшись Станкевича, "Крейсер" 9 июня 1823 года покинул Хобарт. Последующая судьба этого первого российского политического "невозвращенца" до сих пор оставалась загадкой. И вот теперь Глинн Барратт, работая в австралийских архивах, обнаружил несколько документов, связанных с последующей судьбой Станкевича. Я, продолжив его поиски, также нашла еще несколько писем и теперь их можно выстроить в следующую цепь.

9 июля 1823 года Джон Кемпбелл, начальник военной полиции, сообщал колониальному секретарю майору Фредерику Гоулберну, что, согласно инструкциям, полученным от губернатора, беглец с русского фрегата "Крейсер" будет содержаться в Сиднейской тюрьме.

Следующий документ датирован 22 декабря 1823 года и представляет собой прошение от лица Станкевича из Сиднейской тюрьмы, обращенное к губернатору Томасу Брисбену. Процитируем его почти полностью:

"Покорнейшее прошение Станислава Станкевича, матроса, а ныне заключенного в Кумберландском графстве, в тюрьме Сиднея.

Проситель, уроженец России, прибыл в Хобарт-Таун на Ван Дименовой Земле в июне месяце на борту фрегата Его Императорского Величества «Кресслер» (sic!), который зашел туда по пути к северо-западному побережью Америки. Проситель, чувствуя себя притесняемым обращением с ним капитана, дезертировал с корабля и был схвачен только после отбытия «Кресслера» из Хобарт-Тауна. После того, как он был схвачен, его содержали под стражей и затем направили в [Сиднейскую] тюрьму, где он находился в заключении в течение последних шести месяцев. Вследствие этого длительного заключения, и не получая все это время ничего, кроме тюремного пайка, состоящего из одного хлеба, проситель Вашего превосходительства дошел до полного обнищания и отчаяния, и, будучи иностранцем и совершенно не зная английского языка, его положение является вдвойне мучительным. Вследствие этого он решается обратиться к Вашему превосходительству, умоляя об облегчении его участи, которую Вы, по Вашей милости, могли бы предоставить, и его самым сильным желанием было бы получение возможности вернуться в его родную страну.

Проситель же будет вечно молить Бога за Вас.

Станислав Станкевич"

Под прошением самим Станкевичем вместо подписи был поставлен крест. Оставалась лишь одна загадка – кто же помог ему составить это прошение, а сделано это было несомненно со знанием дела и с соблюдением всех приличествующих случаю канцелярских оборотов, ведь сам Станкевич английского совершенно не знал. И, взглядываясь в легкий, эlegantный почерк составителя, я вспомнила о другом россиянине, Абрахаме Ван Бренене, который составлял такие же изящные прошения губернатору на французском языке. Сличение почерков не оставило сомнений – это была одна и та же рука. Воображение легко дорисовало остальное. Именно в декабре 1823 года Бренен был арестован из-за фальшивого чека и отправлен в Сиднейскую тюрьму. Узнав от заключенных, что здесь же содержится забытый властями его несчастный соотечественник, он разыскал Станкевича. И как же тот был рад, когда впервые за шесть месяцев, прошедших со времени его бегства, услышал русскую речь и смог, наконец, поведать земляку горестную историю своей жизни, да еще такому образованному, который тут же взялся написать прошение по всей форме! О самом Бренене, российском голландце, сосланном в Австралию, мы рассказывали в предыдущем номере журнала.

Его хлопоты, как кажется, дали плоды. В 1824 году, когда в Сидней зашел французский корабль "Ля Кокиль" под командованием капитана Дюперре, Ф. Гоулберн, колониальный секретарь, обратился к нему с просьбой: "19 марта 1824 года. Сэр, дезертир с русского фрегата «Крейсер», пойманный после отбытия фрегата с Ван-Дименовой земли, длительное время находился в строгом заключении в соответствии с просьбой капитана Лазарева с целью возвращения его обратно в распоряжение русского военно-морского флота. Поскольку, как кажется, не предвидится никакой возможности выполнить это указание, я имею честь передать дезертира Вам вместе с просьбой губернатора о том, чтобы Вы приняли его на борт «Ля Кокиль»". Передать Станкевича французам надлежало упомянутому выше начальнику военной полиции Джону Кемпбеллу.

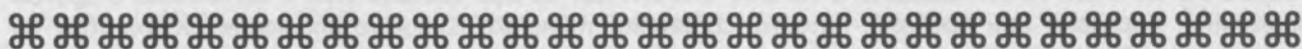
Это был последний документ, обнаруженный Глинном Барраттом. Пытаясь выяснить дальнейшую судьбу Станкевича, он организовал большие разыскания во французских архивных материалах, связанных с плаванием "Ля Кокиль", однако никаких следов пребывания Станкевича на борту французского корабля найти не удалось. Меня же, когда я узнала об этих документах, заинтересовал тот факт, что письма, адресованные Дюперре, оказались в бумагах колониального секретаря, т.е., очевидно, не дошли до адресата. После нескольких дней поисков в бумагах колониального секретаря

мне удалось обнаружить еще одно письмо, связанное с судьбой Станкевича. Все тот же Кемпбелл, начальник военной полиции, в письме от 20 марта 1824 года сообщал Гоулберну, колониальному секретарю: "Сэр, я имею честь сообщить о получении Вашего письма, датированного вчерашним числом, которое было доставлено в мой дом вчера поздно вечером, и я не имел возможности предпринять действия по нему до сегодняшнего утра. Сегодня, в 10 часов утра, я передал тюремному надзирателю инструкции о том, чтобы русский матрос (а ныне заключенный Сиднейской тюрьмы) Станислав Станкевич был доставлен на борт французского корабля «Ля Кокиль» вместе с Вашим письмом капитану Дюперре (которое я теперь Вам возвращаю). Я вынужден сообщить Вам, что ни одно из этих распоряжений не удалось выполнить, поскольку корабль «Ля Кокиль» отплыл сегодня ранним утром". Очевидно, что Кемпбелл отнюдь не торопился выполнять инструкции колониального секретаря и ничуть не сожалел о случившемся. Как знать, не был ли это скрытый саботаж с его стороны – ведь он сам долгие годы занимал должность колониального секретаря и был одним из самых влиятельных людей в колонии, пока не оказался в немилости у колониального начальства и был заменен Фредериком Гоулберном...

Да, если бы только Кемпбелл не откладывая выполнил инструкции, в это утро Станкевич, как в волшебном сне, уже стоял бы на палубе корабля, под наполненными ветром парусами, прощаясь навсегда с австралийским берегом, где он претерпел столько страданий. Свободный, или почти свободный человек, в своей родной стихии, на пути к милой родине... Впрочем, как обоснованно считает Барратт, даже если бы инструкции и были исполнены вовремя, еще нет никакой гарантии, что французы согласились бы взять русского дезертира на борт.

Дальнейшая судьба Станкевича пока остается загадкой. Его имени нет в переписи населения 1825 года и последующих лет, нет и в базе данных пионеров Нового Южного Уэльса среди умерших, вступивших в брак или ставших отцами в 19 веке. Хочется надеяться, что жизнь его не оборвалась трагически в Сиднейской тюрьме, и колониальные власти все-таки посадили его на борт какого-нибудь судна, отправлявшегося в Европу. Скорей всего судьба Станкевича решилась до апреля 1825 года, когда в Сидней зашел русский корабль "Елена" – будь Станкевич в то время все еще в тюрьме, власти несомненно передали бы его русским морякам.

Источники: Завалишин Д. *Кругосветное плавание фрегата "Крейсер" в 1822-1825 годах...* - *Древняя и новая Россия*, 1877, № 9, с. 47; State Archives of New South Wales, Colonial Secretary Papers, 1788-1825, Reel 6057, 4/1767, p. 120; Fiche 3236, 4/1870, p. 65; Reel 6012, 4/3510, pp. 537, 539; Reel 6061, 4/1778, p. 240; 'Campbell, John Thomas' – *The Australian Encyclopaedia*, vol. 2, Sydney, Angus & Robertson, 1958, pp. 245-6; Письма Глинна Барратта мне от 4.11.1999 и 7.12.1999. Пользуюсь случаем, чтобы выразить Глинну Барратту признательность за перепечатку едва читаемого письма Кемпбелла Гоулберну от 20 марта 1824 г.

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ: (выдержка из письма)

Уважаемая редакция журнала "Австралиада"!

С огромным интересом познакомилась с вашим журналом. Произошло это случайно. Будучи в гостях у моего коллеги Никешина Валерия Ивановича, который является руководителем детского хора "Луч" в Московском микрорайоне Бибирево, я увидела несколько выпусков необычного журнала. Валерий Иванович поведал, что знаком с жителями Австралии, и именно они привезли ему номера, рассказывающие о культурной жизни русских людей на этом континенте.

Для нас, современных русских людей, существование вашего журнала особенно приятно. Россия сегодня переживает трудное время. Иногда нам кажется, что у нас в стране рушатся культурные устои, разрываются связи поколений и не только поколений, а вообще связи внутри народа. Поэтому мы с огромным удивлением и радостью обнаруживаем, что далеко за рубежом нашей страны существуют живые островки русской культуры. Они сохраняют всё ценное, что было накоплено в умах и сердцах современников, согревают душу русского человека, оказавшегося волею судеб вдали от Отечества.

Девиз вашего журнала призывает всех русских людей к сохранению русской национальной идеи, воистину, "Россия там, где хоть одна живая душа верю и делом исповедует свою русскость". Именно Православное мировоззрение, понятие соборности дало вам, нашим бывшим соотечественникам не потеряться в огромном мире, где так мало людей, говорящих на родном языке.....

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА НЕДУМОВА

Кандидат педагогических наук, зам. директора Московской школы №286.

